

Университет Дмитрия
Пожарского

Вопросы эпиграфики

Под редакцией кандидата исторических наук А.Г. Авдеева

Выпуск III

РУССКИЙ ФОНД СОДЕЙСТВИЯ
ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ

2009

Редколлегия:

А.Г. Авдеев (к.и.н., доцент, ПСТГУ) (ответственный редактор), Л.А. Беляев (д.и.н., институт Археологии РАН), В.О. Бобровников (к.и.н., институт Востоковедения РАН), Д.В. Вальков (к.и.н., институт Мировой культуры МГУ им. М.В. Ломоносова), А.Ю. Виноградов (к.и.н., институт Всеобщей истории РАН), Д.В. Деопик (д.и.н., профессор, институт Стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова), О.Л. Габелко (д.и.н., профессор, Ка-занский ГУ), А.И. Иванчик (чл.-корр. РАН, институт Всеобщей истории РАН), С.Ю. Сап-рыкин (д.и.н., заведующий кафедрой истории Древнего мира Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова)

Технический секретарь:

И.Е. Шишова

E-mail address of the edition: epigraphique@mail.ru.

Вопросы эпиграфики. Выпуск 3 [Сб. ст.] / Университет Дмитрия Пожарского/ Под ред. А.Г. Авдеева. — М.: Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2008. — 528 с.

ISBN 978-5-91244-010-6

Сборник состоит из восьми разделов. Первый раздел посвящен эпиграфическим памятникам Востока и Мезоамерики. Во второй раздел включены статьи, посвященные над-писям античного времени. В третьем разделе объединены статьи о памятниках европей-ской эпиграфики от раннего Средневековья до XX в. Четвертый раздел включает статьи, посвященные публикации и исследованию русских надписей XI – XIX вв. В пятом разделе – «Критика и библиография» – опубликованы рецензия и краткий обзор монографий и сборников статей по эпиграфике, изданных в России в 2007-2008 гг. В шестом разделе помещен некролог В.М. Зубаря, в седьмом – поздравления эпиграфистам-юбилярам. В восьмом разделе – «Приложения» – даны список сокращений и краткая информация об авторах сборника на русском и английском языках.

ISBN 978-5-91244-010-6

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2008
© Гарбузов В.А., оформление, 2008

Историко-эпиграфический комментарий к надгробной надписи Гипсикратии*

О.А. Габелко

Уникальная находка — обнаружение в Фанагории в 2005 г. надписи на постаменте надгробного памятника Гипсикратии, жены Митридата VI Евпатора (рис. 1,2)¹, — по праву должна считаться одним из наиболее значительных открытий в античной археологии и эпиграфике Северного Причерноморья (да, пожалуй, и не только его) за последние десятилетия. Значение этого памятника не сводится лишь к тому, что он дает блестящее подтверждение сообщению Плутарха² и тем самым предоставляет нам крайне редкую возможность увидеть в действующих лицах тех далеких лет не

* Выражаю искреннюю благодарность моим коллегам, оказавшим мне помощь в работе над статьей, а также ознакомившимся с текстом работы до его публикации и высказавшим немало ценных замечаний, учтенных мною (независимо от того, согласился я с ними или нет): А.Г. Авдееву (Москва), Д.Г. Бугрову (Казань), А.А. Завойкину (Москва), П.А. Евдокимову (Москва), Г.М. Кантору (Оксфорд), И.А. Макарову (Москва), С.Ю. Монахову (Саратов), Н.А. Павличенко (Санкт-Петербург), Р.В. Стоянову (Санкт-Петербург), И.Е. Сурикову (Москва), Э.Р. Устаевой (Тамань). Разумеется, все возможные неточности и ошибки должны быть отнесены исключительно на счет автора.

¹ Наиболее полно: *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 238–243; более сжато: *он же.* Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2007. № 2. С. 5–15; см. также: *Bongard-Levine G., Kochelenko G., Kuznetsov V.* Fouilles de Phanagorie: nouveaux documents archéologiques et épigraphiques du Bosphore // CRAI. 2006. Fasc. 1. P. 277–278; к сожалению, в этой публикации содержатся досадные ошибки: имя «Гипсикрат» поставлено не в звательном, а в именительном падеже, странным образом пропущен царский титул Митридата (в результате чего текст надписи размещен в трех, а не в четырех строках), а имя царя написано через *йоту* во втором слого, а не через *альфу*, как это типично для Северного Причерноморья (Р. 277). Ряд весьма ценных наблюдений в связи с этим докладом был высказан академиком П. Бернардом (Р. 280–288); отсылки к ним будут сопровождаться указанием фамилии автора в квадратных скобках.

² *Plut., Pomp.*, 32, 8.

просто абстрактных «исторических персонажей», но живых людей с человеческими чувствами. Помимо этого, надгробная надпись Гипсикратии содержит исключительно ценную информацию как о последнем периоде Митридатовых войн, так и о некоторых аспектах собственно понтийской истории. Хотя, как совершенно справедливо отметил первоиздатель надписи, восстановление ее текста не вызывает особых затруднений³, представляется возможным несколько расширить комментарий, данный им к содержанию документа (как собственно эпиграфический, так и исторический), обратив особое внимание на те моменты, которые, как кажется, не получили в публикации должного отражения⁴.

³ Кузнецов В.Д. Новые надписи... С. 238.

⁴ Кроме того, автором публикации допущено несколько незначительных неточностей (не считая опечатки в слове *υιῆς* на с. 241 в прим. 68):

¹) Аутопсия камня, к которой я имел возможность прибегнуть в 2005 году, будучи участником Фанагорийской археологической экспедиции, свидетельствует, что от последней буквы во второй строке надписи, *ιψιλονα*, сохранился остаток вертикальной галты, не обозначенный на прорисовке (хотя он виден и на фотографии); соответственно, в публикации текста *ιψιλον* следовало бы не брать в квадратные скобки, а поставить под ним точку. Аналогичная ситуация и с первой буквой надписи: ее остатки, хотя и очень поврежденные, все же видны на камне.

²) Не вполне точным представляется высказывание В.Д. Кузнецова, что «блок был обломан (курсив мой. — О.Г.) в нескольких местах еще в древности» (Новые надписи... С. 238): характер повреждений камня недвусмысленно свидетельствует, что он был целенаправленно *обколот* при вторичном использовании для более удобного размещения в деревянной конструкции ряда.

³) Имя одной из дочерей Митридата, проведенной в Помпеевом триумфе, не Оксабарис, как у автора (С. 242; повтор этой ошибки: Фанагория. По материалам Таманской археологической экспедиции Института археологии РАН / Под. общ. ред. В.Д. Кузнецова. М., 2008. С. 63), а Орсабарис (*App.*, *Mithr.*, 117) или Орсобарис (как на чеканенных ею монетах — см. Габелко О.Л. Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Синкелла // ААе. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. 2005. С. 90–91 и прим. 23).

⁴) Затем, дочь Евпатора Клеопатра, находившаяся в 63 г. до н.э. в Фанагории и проявившая особое мужество в борьбе с восставшими, не может быть отождествлена с носившей то же имя дочерью понтийского царя, которая была выдана замуж за Тиграна Армянского (С. 242; кстати, приводимая исследователем дата этого брака, 95 г. до н.э., не является общепризнанной — см. *Ballesteros Pastor L. Mitrídates Eurátor, rey del Ponto. Granada, 1996. P. 79. Not. 188*). Жена Тиграна наверняка осталась при дворе своего мужа, так что Аппиан говорит здесь о другой, гораздо более молодой дочери Митридата (Гуленков К.Л. Ориенталистическое и эллинистическое в семье

Анализ памятника будет вестись по двум направлениям. Первое из них связано с предположительной реконструкцией (гораздо более детальной, чем та, которая была дана В.Д. Кузнецовым) событий в Фанагории, приведших к гибели Гипсикратии. В целом я согласен с гипотезой исследователя, что Фанагория после начала антимиитридатовского восстания под руководством Кастора, скорее всего, на какое-то время была отбита понтийскими войсками, прибывшими на посланных Митридатом из Пантикапея кораблях (*δίκροτα πολλά*) — по сообщению Аппиана, на помощь дочери царя Клеопатре, упорно сражавшейся с врагом⁵. Трудно представить, что Клеопатра могла оказывать сопротивление на акрополе, уже подожженном⁶, — ведь другие дети царя сдались, были захвачены фанаго-

Митридата Евпатора // *Античность: Общество и идеи*. Казань, 2001. С. 82), что, кстати, прямо следует из указания Аппиана, что из захваченных в Фанагории детей Митридата лишь Артаферн пребывал в зрелом возрасте — *App., Mithr.*, 108. То, что она была названа так же (видимо, она родилась после того, как Клеопатра-старшая, выйдя замуж, покинула отчий дворец, или же, как полагает К.Л. Гуленков, она приняла это престижное имя после смерти Клеопатры-старшей) — любопытная деталь в практике имянаречения в понтийской династии (см. также о двух сестрах Митридата, названных Лаодиками: там же. С. 72–73. Нельзя забывать и о том, что у царя был младший брат-тезка — Митридат Хрест).

⁵ Кажется сомнительным, чтобы у Митридата и Гипсикратии были дети, как это допускает В.Д. Кузнецов (*Новые надписи...* С. 242 и прим. 74): Гипсикратия, судя по всему, возвысилась при понтийском владыке только ок. 66 г. до н.э., и именно этим Т. Рейнак вслед за Дионом Кассием вполне резонно объясняет факт измены Митридату его прежней фаворитки, Стратоники (*Plut., Pomp.* 36., 2; *App., Mithr.*, 107), которая почувствовала себя брошенной царем (*Dio Cass., XXXVII, 7, 5*) (*Reinach Th. Mithridate Eupator, roi de Pont.* P., 1890. P. 296; ср. *Гуленков К.Л.* Ук. соч. С. 75). Гипсикратия явно была еще очень молода, и едва ли она успела бы родить Митридату ребенка в течение 66–63 гг. до н.э. — времени перехода из Малой Азии на Боспор, наполненного битвами, трудностями и лишениями. Даже если бы этот ребенок был рожден, он должен был бы пребывать к 63 г. до н.э. совсем во младенческом возрасте, и до Аппиана вряд ли дошла бы информация о его имени.

⁶ Наконец, П. Бернар совершенно справедливо обратил внимание на необходимость сбора сведений о носителях редкого имени Гипсикрат и привел неучтенные первоиздателем примеры ([*Bernard P.*] P. 280–281).

⁵ *App., Mithr.*, 108.

⁶ Раскопки последних лет недвусмысленно свидетельствуют о том, что пожар на акрополе был очень сильным: Фанагория... С. 63; *Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д.* Два клада медных монет первой половины I в. до н.э. из Фанагории // ВДИ. 2008. № 4. С. 184.

рийцами, а позднее проведены в триумфе Помпеем⁷; видимо, она находилась где-то в другой части города. После этого и состоялись похороны (или, точнее говоря, подготовка к погребению, о чем мы можем сказать с уверенностью) погибшей в ходе этих событий Гипсикратии — либо находившейся в Фанагории еще до начала восстания, либо приплывшей из Пантикапея (поскольку Аппиан говорит, что сопротивление в Фанагории возглавляла Клеопатра, второй вариант выглядит чуть более предпочтительным). С большой степенью вероятности, гибель Гипсикратии была героической, судя как по тому, что мы знаем о ее характере, так и по употреблению в эпитафии мужского имени, наводящего на мысли о ее «мужестве и смелости», согласно Плутарху⁸. Именно это обстоятельство, на мой взгляд, ставит под серьезное сомнение (хотя, разумеется, отнюдь не исключает) гораздо более простую и одновременно «менее романтическую» версию, которую тоже, несомненно, следует упомянуть (что, к сожалению, не было сделано первоиздателем): будто Гипсикратия умерла и была похоронена в Фанагории еще до начала антимитридатовского восстания — к примеру, уже в 65 г. до н.э., — не вынеся тягот долгого и трудного перехода из Малой Азии⁹.

У нас не может быть никакой уверенности, что бронзовая статуя погребенной (на изготовление которой, без сомнения, ушло бы довольно много времени) действительно была закончена и укреплена на камне (что определенно свидетельствовало бы против предлагаемой далее реконструкции событий). Подготовка постамента могла быть осуществлена в гораздо более короткие сроки, а установка скульптурного изображения при помощи залитого свинцом штыря¹⁰ едва ли была столь сложной в техническом отношении процедурой, чтобы допустить, будто отверстие для крепления было вырезано непременно *после* того, как была завершена работа над статуей: осуществить точную подгонку не составило бы особого труда в любом случае.

⁷ *Plut.*, *Pomp.*, 117.

⁸ В этом контексте вполне резонной кажется идея П. Бернара, что надгробный памятник представлял собой изображение Гипсикратии в виде амазонки: [*Bernard P.*]. P. 287-288.

⁹ *App.*, *Mithr.*, 101–102.

¹⁰ *Кузнецов В.Д.* Новые надписи... С. 239.

Допущение о смерти Гипсикратии ранее 63 г. до н.э. не объясняет и того, почему в первой строке надписи была допущена ошибка, впоследствии исправленная, если надпись делалась в спокойной обстановке (о чем подробно см. ниже). Предположение, будто бы первоначально вырезанная *эта* была как-то замазана для сокрытия ошибки — с помощью известки или подобного материала, впоследствии стершегося и/или смытого водой — теоретически возможно для момента осады Фанагории в 63 г. до н.э., тогда как годом-двумя ранее в этом не было бы нужды: резчику проще было бы несколько подтесать и заново отшлифовать камень¹¹, не рискуя вызвать гнев понтийского владыки, который был бы наверняка неизбежен в случае обнаружения царем подобного «ретуширования», свидетельствующего о небрежности мастера. Наконец, гипотеза о смерти Гипсикратии до фанагорийского восстания выглядит не вполне убедительной с учетом весьма вероятного предположения В.Д. Кузнецова о том, что ее надгробный монумент был лишь составной частью погребального комплекса, включавшего в себя не один памятник и представлявшего собой довольно сложную и относительно высокую конструкцию¹²: воздвижение такого сооруже-

¹¹ Подобная практика была широко распространена в римское время: надписи на базах статуй императоров, подвергнутых *damnatio memoriae*, нередко уничтожались, а на их место наносились новые, причем следы этой тщательно выполненной работы порой довольно сложно обнаружить; см.: *Højte J.M. Roman Imperial Statue Bases from Augustus to Commodus. Aarhus, 2005. P. 58–64.*

¹² *Кузнецов В.Д. Новые надписи... С. 239, 242–243.* При этом мнение автора, будто бы боковые грани постамента не были обработаны по той причине, что к ним должны были примыкать другие памятники, в принципе выглядит вероятным, но требует дополнительной аргументации. К приведенному В.Д. Кузнецовым примеру (*Hesberg H. von. Römische Grabbauten. Darmstadt, 1992. S. 186. Abb. 117*) можно добавить другие, даже более показательные: *Caro G. An Attic Cemetery. Philadelphia, 1943. P. 30 ff; Kienlin A. von. Zu den Staatsgräbern im Kerameikos // Architectura. 2003. Bd. 3. S. 113 ff* (памятники относятся к V–IV вв. до н.э.). Особенности конструктивного исполнения подобных коллективных монументов из Аттики не оставляют сомнений в том, что их боковые стороны должны были плотно прилегать друг к другу, а камни крепились насухо, что, разумеется, могло быть достигнуто только при их тщательной обработке. Если же отдельные камни из фанагорийского коллективного монумента соединялись между собой при помощи какого-либо строительного раствора, то в этом случае их боковые грани, конечно, остались бы необработанными — для более эффективного крепления, но примеров такого рода В.Д. Кузнецов не приводит. Потому более вероятным кажется несколько иной вариант, объясняющий то, что бока монумента не были от-

ния было возможно скорее всего только в связи с одновременной гибелью нескольких близких Митридату людей, что вряд ли могло произойти в ситуации, не связанной с боевыми действиями.

Второе направление связано с уточнением статуса Гипсикратии при понтийском дворе (и вытекающей отсюда трактовкой некоторых положений брачной политики Митридата Евпатора)¹³. Как ни странно, небезыңтересные мысли могут быть высказаны при анализе вопроса, который кажется на первый взгляд частным и совершенно незначительным: почему завершающее первую строку текста слово «жена» было первоначально поставлено в именительном падеже, не согласованном с вокативом Ὑψικρατες, и лишь потом переправлено на звательный падеж γύναι? Editor princeps, отметив это обстоятельство¹⁴, не попытался дать ему никакого объяснения,

шлифованы: камень с эпитафией Гипсикратии просто не был окончательно подготовлен к установке его в качестве пьедестала.

¹³ Помимо этого, П. Бернар ставит вопрос о том, может ли обыкновение звать жену мужским именем свидетельствовать о гомосексуальных наклонностях царя: [Bernard P.]. P. 283. Справедливости ради нужно отметить, что такая мысль высказывалась на 10 лет раньше Л. Бальестерос-Пастором, дополнительно привлекшим для ее подтверждения высказывание Плутарха о его симпатии к красоте молодого галата Беполитана (De virt. mulier. 23) (Op. cit. P. 297), хотя я не нахожу ее достаточно убедительной: для обоих эпизодов вполне возможно объяснение, не требующее подобного допущения (ср. также: Гуленков К.Л. Ук. соч. С. 75–76).

¹⁴ Кузнецов В.Д. Новые надписи... С. 241. Представляется, однако, единственно возможным, что первоначально исправленное слово выглядело именно как номинатив γυνή (а не как γυνήι, вероятность чего допускает здесь первоиздатель надписи), и йота была вырезана позже, только после переправки *эты* на *альфу*; во всех перечисленных автором боспорских надписях (С. 241. Прим. 68) в слове γυνήι последняя буква, исходя из требований грамматики, добавлена издателями КБН (о чем ясно свидетельствуют угловые скобки, в которые она заключена), так что в действительности такая форма в боспорской эпиграфике не засвидетельствована. Характерен, кстати, вокатив в КБН 522: Ὑψικράτη — отличный от того, который наблюдается в нашей надписи. Подобные формы звательного падежа вообще типичны на Боспоре для имен с —κράτης: см. КБН 748 (самый ранний из перечисленных далее памятников — возможно, рубеж II—I вв. н.э.), 287 (I в. н.э.), 602 (с конечной йотой, согласно КБН-альбому), 748, 754 (возможно, также виден остаток йоты в конце имени), 768. Так что «правильный» вокатив личного имени в надгробной надписи Гипсикратии — тоже һарах legomenon боспорской эпиграфики!

а между тем данный факт выглядит крайне странно. Понятно, что выполнение эпитафии царской жене могло быть доверено придворными Митридата, осуществлявшими на тот момент управление Фанагорией — без сомнения, весьма близкими царю людьми — лишь опытному и умелому резчику. Это со всей определенностью следует из самого написания текста: без предварительной разлиновки, очень красивого, аккуратного, с изящными украшениями букв (апицированием), но без вычурных излишеств¹⁵. По каким же причинам этот квалифицированный мастер мог допустить столь грубую ошибку в совершенно элементарном тексте?

Указанное обстоятельство можно попробовать объяснить сразу несколькими причинами, которые отнюдь не обязательно исключают друг друга и, более того, могут оказаться верными одновременно. Во-первых, несогласование звательного и именительного падежей достаточно широко распространено в боспорских надписях (см. далее, прим. 17). Это обстоятельство заставляет думать, что резчик был боспорянином, подданным Митридата (а не прибыл на Боспор вместе с войском царя) и, при всем его мастерстве, говорил на уже основательно «испорченном» местном диалекте эллинистического койне, в чем и возможно видеть причину его *lapsus manus* (или хотя бы одну из причин). Должностным лицам Митридата, находившимся тогда в Фанагории и не чуждым высокой эллинской культуры¹⁶, эта ошибка должна была показаться варваризмом, неприемлемым для торжественной ситуации погребения жены их повелителя, из-за чего они и заставили мастера переписать обычное на Боспоре в таких эпитафиях слово γυνή на γύναι — даже в ущерб внешней эстетике памятника. Особенно показательным, что такая форма вокатива в боспорской эпиграфике не встречается¹⁷, и это может считаться

¹⁵ Обращает на себя внимание написание *po*, где полукружие украшено снизу своеобразным «усиком». Аналогий такому изображению данной буквы мне отыскать не удалось. На прорисовке это обстоятельство не отражено в полной мере (особенно в первой строке, где данная деталь вообще не показана).

¹⁶ О высоком культурном уровне понтийского царского двора см. хотя бы: *Olshausen E.* Zum Hellenisierungsprozess am pontischen Königshof // *AncSoc.* 1974. Vol. 5.

¹⁷ Γύναι в КБН 1109, согласно мнению издателей, должно пониматься как вокатив от личного имени Гинаида. Более того: «Слово γυνή, по-видимому, утра-

показателем ее «пришлого» происхождения. Такой звательный падеж в прозаических¹⁸ погребальных надписях греческого мира вообще уникален — мне не удалось обнаружить ему аналогий, тогда как, по данным корпуса TLG, он очень часто встречается в литературе, особенно у драматургов. Это лишний раз подтверждает высказанное чуть выше предположение о том, что ответственный за погребение Гипсикратии чиновник Митридата, контролировавший работу резчика, был высокообразованным человеком и стремился, при всей лаконичности эпитафии, придать ей максимально возможную изысканность и торжественность.

Еще более любопытные мысли вызывает внимательное изучение первой строки текста в целом. То, что ее буквы пострадали, будучи замыты водой, не может скрыть ее очевидных отличий от строк 2–4. В стк. 2–3 четко соблюден интервал между словами, тогда как в первой строке картина противоположная: *сигма*, последняя буква личного имени, и *гамма* в $\gamma\upsilon\nu\alpha\iota$ стоят практически рядом, тогда как между этой *гаммой* и следующей буквой слова, *ипсилоном*, наличествует заметный пробел, ничем не объяснимый¹⁹. Также больший интервал, чем между другими буквами, отделяет этот *ипсилон* от следующей *ню*. При этом никаких дефектов камня, которые могли бы воспрепятствовать нормальному написанию букв, *de visu* не обнаруживается. В первой строке, в отличие от остальных, не соблюдено выравнивание по центру (она начинается вровень со сткк. 2 и 3, но заканчивается раньше их), хотя сделать это было бы совсем не слож-

тило свой зват. пад., так как в ряде прозаических надгробных надписей рядом со словом $\iota\acute{\epsilon}$ и зват. пад. мужского имени встречаем не $\gamma\upsilon\nu\alpha\iota$, а $\gamma\upsilon\nu\acute{\eta}$ » (далее приводится 17 примеров, самые ранние из которых датируются временем не позднее первой половины I в. н.э.) — КБН. С. 814. Ср. с тем, что было сказано выше о мужских личных именах, оканчивающихся на $-\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$ (прим. 14).

¹⁸ Нечасто встречается он и в стихотворных надписях: мне известно лишь два таких примера: IG II² 13149, 1 (Аттика) и IvPergamon. 8. 1–3, 2. 576. Face B, 1.

¹⁹ В позднеэллинистических надписях Боспора *гамма*, как и в более раннее время, иногда имеет довольно длинную горизонтальную черту (см., например: Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. Т. III. Табл. II–III. С. 9–10). В данном случае последняя видна плохо, но даже при таком допущении расстояние между *гаммой* и предыдущей *сигмой* было бы все равно никак не больше, чем между *гаммой* и следующей буквой того же слова, *ипсилоном*.

но. (Следует отметить, что в эпиграфике Боспора достаточно редки как пробелы между словами, так и центровка текста; перспективным был бы поиск аналогий, по преимуществу малоазийских, что должно стать предметом отдельной работы).

Данные обстоятельства наводят на мысли о том, что первая строка надписи была выполнена не раньше, как это следовало бы ожидать, а... *позже* (!) остальных, заняв место, предназначенное ей заранее; и, более того, определенная неаккуратность в ее исполнении (ярче всего это проявилось, конечно, в первоначальном употреблении номинатива вместо вокатива) была вызвана какими-то чрезвычайными обстоятельствами, вынуждавшими довольно опытного резчика торопиться и делать ошибки.

Как объяснить такое положение дел? Что заставляло Митридатых представителей в Фанагории (а также резчика), ответственных за погребение его сторонников, которые пали в ходе подавления восстания фанагорийцев (следуя гипотезе первоиздателя), сначала медлить с окончанием эпитафии Гипсикратии, а затем завершать ее в спешном порядке? Ответ напрашивается сам собой: они, отнюдь не будучи уверены в скором поражении Митридата и стремясь выполнить долг перед своим повелителем, просто *не знали*, как им обозначить *имя и/или статус* усопшей, и стремились разрешить эту проблему наилучшим образом! И это вполне объяснимо: ведь личность и карьера Гипсикратии, при всей отрывочности сведений о них, действительно крайне необычны — можно сказать, уникальны.

Как совершенно справедливо заметил В.Д. Кузнецов, употребление в надписи мужского имени «Гипсикрат» отражает сугубо интимную черту взаимоотношений понтийского монарха и его любимой женщины²⁰, так что его воспроизведение в тексте эпитафии едва ли могло быть предпринято без непосредственной санкции царя, переданной через доверенных лиц. (Зная его большую любовь к Гипсикратии, можно было бы предположить даже его личное присутствие). При крутом нраве своего владыки, за малейшую вольность в таком вопросе его чиновники могли поплатиться головой²¹. А на

²⁰ Там же. С. 241.

²¹ Что особенно часто происходило именно в последние годы жизни царя, во время его пребывания на Боспоре (*App.*, *Mithr.*, 102; 107; 110; *Oros.*, VI, 5, 3).

получение информации о состоянии дел на Азиатском Боспоре царю требовалось время: он находился в Пантикапее и был лишен прямого доступа к Фанагории. Обстановка на Боспоре была крайне неспокойной — вслед за фанагорийцами восстали Херсонес, Феодосия, Нимфей²². Митридат, узнав о гибели Гипсикратии от посланцев из фанагорийского гарнизона, должен был через посланников сообщить, как именно, в соответствии с его личным желанием, следует выполнить первую строку надписи, и на это вполне могло уйти несколько дней (хотя, разумеется, в обычной обстановке плавание из Пантикапея в Фанагорию заняло бы всего несколько часов), что в тех обстоятельствах могло иметь поистине решающую роль.

Немалый интерес вызывает и то, что Гипсикратия поименована в эпитафии *жены* царя. Вопрос об «официальном» статусе близких Митридату женщин, известных по данным ряда источников²³, наиболее подробно рассмотрен К.Л. Гуленковым, который пришел к выводу о том, что наиболее вероятным кажется (несмотря на противоречивость имеющихся сведений), что Стратоника, Береника и Гипсикратия были скорее наложницами, чем «полноправными» женами царя²⁴. Эпита-

²² *App. Mithr.* 108.

²³ Различие в положении жен и наложниц Митридата, постулируемое Т. Рейнаком на основании аналогий с гаремами турецких султанов (*Reinach Th.* Op. cit. P. 295–296), выглядит чересчур умозрительным; см., впрочем, замечания о деталях брака между Митридатом и Монимой, требовавшей подписания брачного договора и признания ее царицей (*Plut., Luc.*, 18): *Гуленков К.Л.* С. 74. Прим. 17.

²⁴ *Гуленков К.Л.* Ук. соч. С. 76 (с источниковедческим анализом; оправданным кажется вывод автора о том, что источником Плутарха служил Теофан Митиленский, весьма компетентный историк. Ср. *Макгинг Б.* На рубеже. Культура и история Понтийского царства // ВДИ. 1998. № 3. С. 108 — без аргументации). Собираательные замечания о «женах и наложницах» Митридата весьма многочисленны в источниках, где говорится о его гареме (который, как справедливо отметил Б. Макгинг, упоминается почти исключительно в связи с событиями последнего этапа правления царя — *Макгинг Б.* Ук. соч. С. 108). «Настоящей» царицей, без сомнения, была сестра Митридата Лаодика, убитая им за участие в заговоре (*Just.*, XXXVII, 3, 7; 38, 1, 1; *Sallust.*, Hist., II, 76). Безусловно, статус царицы и жены был у Монимы (см. *Гуленков К.Л.* Ук. соч. С. 74–75); вопреки мнению К.Л. Гуленкова, Береника из Хиоса также названа женой (наряду с Монимой) у Плутарха (*Plut., Luc.*, 18. 5). Сложнее обстоит дело со Стратоникой: при описании одних и тех же событий она именуется наложницей (*Plut., Pomp.*, 36, 2), женой или наложницей

фия Гипсикратии, возможно, позволяет скорректировать это мнение. При упоминании Гипсикратии в событиях 66 г. до н.э. Плутарх называет ее наложницей (*παλλακίς*)²⁵. Римские же авторы вслед за наиболее информативным Валерием Максимом²⁶ называют ее женой царя²⁷. Сопоставляя это со словоупотреблением надписи, можно проследить своеобразный *cursus honoꝛum* Гипсикратии: будучи незнатного происхождения (что, впрочем, типично для близких Евпатору женщин²⁸), первоначально она считалась наложницей, а затем за проявленную доблесть во время бегства царя после его поражения от Помпея была «повышена в статусе» до жены и царицы²⁹ (показательно, что Валерий Максим говорит так о ней в контексте как раз несколько более поздних событий — уже во время бегства Митридата на Боспор через земли

(*App., Mithr.*, 107) либо женой царя (*Dio Cass.*, XXXVII, 7, 5); здесь, вслед за исследователем, можно предпочесть информацию Плутарха. Быть может, исходя из того, что мы знаем о Стратонике и Гипсикратии, следует, что только некоторые наложницы Митридата, благодаря своим личным качествам, могли исполнять его особо важные и ответственные поручения, а жены — своего рода «декоративный элемент» его власти — пребывали в гареме вместе с остальными наложницами? Впрочем, для такого вывода у нас пока недостаточно данных.

²⁵ *Plut.*, *Pomp.*, 32, 8.

²⁶ *Val. Max.*, IV, 6 ext. 2: «Также и царица Гипсикратея (*Hypsicratea*) любила мужа своего Митридата с необузданной привязанностью, и потому считала за удовольствие придавать мужской облик исключительной своей красоте; ибо, остригши волосы, она обучилась верховой езде и владению оружием, чтобы тем легче разделять с ним труды и опасности. И даже когда он был разбит Гнеем Помпеем и бежал через земли диких племен, она последовала за ним, неутомимая равно духом и телом. Такая ее верность в тяжких и затруднительных обстоятельствах была Митридату величайшей отрадой и сладчайшим утешением: ведь он считал, что взял с собой в скитания свой дом и Пенаты, коль скоро жена тоже отправилась в изгнание» (перевод Г.М. Кантора). По поводу формы *Hypsicratea* стоит заметить, что, согласно критическому аппарату в тойбневровском издании Дж. Бриско, одна из трех основных рукописей (*G* — *Bruxell. bibl. reg.* 5536) дает чтение *Hypsicratia*, и на него же исправлено другой рукой в прочих рукописях, непосредственно восходящих к архетипу, *A* и *L* (*fortasse recte: Briscoe*).

²⁷ *Fest.*, XVI, 1; *Eutrop.*, VI, 12, 3.

²⁸ *Seibert J.* *Historische Beiträge zu den Dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit.* Weisbaden, 1967. S. 102; Гуленков К.Л. Ук. соч. С. 74.

²⁹ Ср. с сообщением о награждении Митридатом тех лиц, которые выказали верность ему после бегства от Помпея: *Plut.*, *Pomp.*, 32, 9.

«диких племен», т.е. скифов, гениохов и ахеев³⁰. Не исключено, наконец, что царь повелел считать Гипсикратию «полноправной» женой уже «посмертно» — опять же за верность и мужество в ходе подавления восстания фанагорийцев³¹; и для того, чтобы сообщить об этом своим должностным лицам в Фанагории, ему также потребовалось некоторое время, чем и было вызвано промедление в завершении работы над постаментом. С другой стороны, у нас не может быть полной уверенности в том, что слово γύλη в надписи имеет строгий терминологический оттенок: ожидать появления в торжественной надгробной надписи слова «наложница» едва ли приходится.

Так или иначе, весьма вероятно: в результате определенной задержки последняя по времени создания (= первая!) строка эпитафии выполнялась резчиком в существенно иной обстановке, чем остальные. Видимо, соотношение сил между митридатовским гарнизоном и восставшими фанагорийцами (и их сторонниками) изменилось за это время не в пользу первого: понтийских воинов вновь начали теснить. Поэтому завершать надпись безмянному боспорскому мастеру на службе понтийского владыки, получившему, наконец, инструкции о ее точном содержании, пришлось уже в экстремальных условиях, — видимо, в ситуации прямой военной угрозы, чем и вызваны все отмеченные выше погрешности в ее выполнении. Поэтому, как отмечалось выше (см. прим. 12), нельзя исключать, что монумент Гипсикратии просто еще не был подготовлен к установке на тот момент, когда восставшие окончательно овладели городом³². Не исключено, впрочем, что это был и вовсе «черновой вариант» надгробия, забракованный должностными лицами царя из-за ошибки резчика. И уж тем более нет никакой уверенности в том, что памятник Гипсикратии действительно был установлен — противоположный вариант кажется куда более вероятным³³.

³⁰ *App.*, Mithr., 102; ср. *App.*, Mithr., 35; *Flor.*, I, 40, 25.

³¹ Ср.: [Bernard P.]. P. 283.

³² *Oros.*, VI., 5, 2.

³³ Особенно показателен в данном контексте случай с *damnatio memoriae* Митридата в строительной надписи из Ольвии (Крапивина В.В., Диатроптов П.Д. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // ВДИ. 2005. № 1. С. 73). См. обоснованные сомнения в возможности установки памятника и его сохранения в сложной военно-политической обстановке 63 г. до н.э.: [Ber-

Разумеется, я в полной мере отдаю себе отчет в том, что изложенные мною соображения относительно того исторического контекста, в который следовало бы поместить надпись о Гипсикратии, сугубо гипотетичны, и, более того, в чем-то представляют собой не более чем «фантазии на тему», которые невозможно доказать (как, впрочем, и опровергнуть) ввиду недостатка других источников. Однако сам этот памятник, при кажущейся его простоте и лаконичности, настолько уникален, что просто вынуждает выдвигать новые и новые предположения относительно его трактовки, даже если в их надежности пока не может быть стопроцентной уверенности. Эпиграфический документ приобретает особую ценность только тогда, когда на основе его анализа возможно сделать выводы более широкого характера, позволяющие

nard P.]. P. 286. Французский ученый, однако, допускает возможность установки памятника Фарнаком до начала его похода в Малую Азию, что выглядит сомнительным: едва ли у Фарнака имелись основания проявлять особый пиетет к памяти одной из жен своего отца (которого он к тому же и предал).

Совсем недавно к анализу надгробной надписи Гипсикратии обратился другой авторитетнейший специалист, Г. Бауэрсок: *Bowersock G.W. In Search of Strabo, with Some New Light in Mithridates Eupator and His Concubine. Review: Strabo's Cultural Geography. The Making of Kolossourgia.* Cambridge, 2005 / Ed. By D. Dueck, H. Lindsay, S. Pothecary // JRA. 2008. Vol. 21/2. P. 600–601. Он предполагает, что «реабилитация» Гипсикратии и, соответственно, возведение надгробия состоялись позднее, в период правления на Боспоре внучки Митридата Евпатора Динамии, для политики которой, действительно, было характерно возрождение «митридадизма» (см., например: *Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох.* М., 2002. С. 90–124). Г. Бауэрсок, к сожалению, не обращается к палеографии надписи для обоснования своей датировки, хотя этот вопрос заслуживает внимания: так, написание некоторых букв в тексте эпитафии (*ni* с равными по высоте гасами, *po* с достаточно крупной петелькой) близко формам, практиковавшимся на Боспоре ближе к рубежу эр. С другой стороны, *ипсилон* и *пси* с высокой ножкой скорее характерны для несколько более раннего времени (ср. *Болтунова А.И., Книпович Т.Н.* Ук. соч. С. 10. Табл. 3), и 63 г. до н.э. тут вполне подходит. В целом же, конечно, палеографический анализ текста в данном случае едва ли может существенно уточнить дату его создания: ведь речь идет о слишком небольшой разнице во времени между двумя возможными датировками. Однако и гипотеза Г. Бауэрсока не учитывает тех деталей первой строки надписи, анализу которых по преимуществу и посвящена данная работа. К тому же употребление в надписи мужского «псевдонима» Гипсикратии спустя десятилетия после ее смерти должно было уже потерять актуальность и жизненное звучание: вряд ли можно с уверенностью утверждать, что люди, заказывавшие и изготавливавшие памятник, перечитывали труд Теофана Митиленского!

реконструировать (разумеется, с той или иной степенью достоверности) ту историческую ситуацию, в которой он создавался и которую он отражал. Если верна предложенная здесь интерпретация памятника, то нужно признать, что он передает динамику драматических событий на Боспоре в 63 г. до н.э. гораздо полнее, чем даже письменные источники. В любом случае, такой подход кажется мне гораздо более продуктивным, нежели простое игнорирование существенных особенностей надписи, вызванное их недопониманием.

Summary

O.L. Gabelko

Historico-Epigraphical Commentary to Hypsicrateia's Grave-Stone Inscription

This article offers a new treatment of the grave-stone inscription to Hypsicrateia, the wife of Mithridates VI Eupator, discovered during the excavations in Phanagoreia in 2005. According to the author's point of view, the inscription was made by a Bosphoran cutter, who worked under the control of Pontic king's functionaries. This caused the original disagreement of the personal name vocative case (in non-typical form for Bosphorus) with nominative $\gamma\upsilon\upsilon\eta$ which can be found here rather often. In its turn, vocative $\gamma\upsilon\upsilon\alpha\iota$, into which this word was changed, is not used in prose grave-stone inscriptions. This fact shows that a Pontic official, responsible for making the grave-stone, was of a very high level of culture, and aimed at making the epitaph particularly solemn.

In contrast to other lines of the inscription, a definite carelessness can be noticed in the first line, for example, lack of the text levelling, no space left between the words – all these should be explained by the fact that this part of the inscription was cut out later or in a different situation than the rest part of the text. If Hypsicrateia had really been killed during the suppression of the revolt in Phanagoreia in 63 B.C. and Mithridates, being in Panticapaion, could not be present at her burial, then it is obvious that the masculine name Hypsicrates, by which he called his wife for the outstanding courage (*Plut.*, *Pomp.*, 32, 8), could have been used in her epitaph only according to his own permission. In order to get such permission it was necessary to send a messenger to the king that in conditions of the uprising could have taken quite a long time. The situation in Phanagoreia could have changed again and the cutter had had to hurry and to finish the inscription in conditions of real military danger.

Рис. 1. Постамент надгробного памятника Гипсикратии. Лицевая сторона.

О.Л. Габелко Историко-эпиграфический комментарий к надгробной надписи Гипсикратии

Рис. 2. Постамент надгробного памятника Гипсикратии. Верхняя часть.

О.Л. Габелко Историко-эпиграфический комментарий к надгробной надписи Гипсикратии